

Понятие системы и системности является, пожалуй, одной из наиболее спорных и в то же время наиболее важных категорий теоретической лингвистики наших дней. Несмотря на огромную литературу, посвященную этому вопросу, существуют значительные расхождения относительно самого существа этого понятия — под системой различные авторы понимают широкий круг явлений, начиная от простой упорядоченности элементов или установления различных отношений между ними (в частности, бинарности) и кончая абстрактным пониманием системы в псевдоматематическом аспекте, характерном для глоссематиков. Практика лингвистических исследований, однако, неизменно порождает сомнение в возможности однозначного использования термина «система» по отношению ко всем уровням языка или к любому отрезку языкового континуума, в качественной однородности понятия системности по отношению к любым языкам, в синхронии и в диахронии. Нередко определенный тип системности, характерный для одного рода объектов (например, органических), сознательно или несознательно переносится учеными на другой вид объектов (например, язык), что обычно ведет к искажению этих последних. На фоне созданной в последние десятилетия так называемой «теории общих систем» (Л. фон Берталанффи) становится особенно очевидным не только неправомочность строгого проведения принципа системности в лингвистике (подобно тому, как в свое время имело место бескомпромиссное рассмотрение звуковых законов, якобы не терпящих исключений), но и возникает мысль о противоречивой природе языковых феноменов.

Крупнейшие языковеды прошлого и настоящего неоднократно указывали, что для лингвистического анализа гораздо важнее учет «аномалий», а не «регулярных» форм, одностороннее рассмотрение которых нередко создает искаженную картину исследуемых явлений (ср. работы В. Д. Уитни, А. Мейе, Ч. Базелла, Э. Пулгрэма, Э. Косериу, Р. А. Будагова, Ф. П. Филина и др.). К сожалению, понятие асистемности, в отличие от понятия системы, не получило специального теоретического освещения в литературе (интересным практическим применением принципа единства асистемности ~ системности в области индоевропистики является появившаяся недавно книга В. Р. Шмалstiegа [1]).

Рецензируемая монография М. М. Маковского на основе обширного языкового материала, почерпнутого как из и.-е., так и из восточных языков (в книге приводятся примеры более чем из 130 различных языков и диалектов мира), специально посвящена рассмотрению тех нарушений «сплошной системности» в языке, которые при поверхностном взгляде на языковые факты не представляются вполне очевидными: в книге строится общая теория взаимодействия и тесного пере-

плетения системности и асистемности в языке.

В центре работы М. М. Маковского стоит проведенное им текстологическое исследование средневековых латинско-германских глосс (ср. с. 56—57, 61—69; 103—121; ср. также с. 86—101), в результате которого автору удалось показать, что значение целого ряда наиболее спорных в этимологическом отношении лексем английского и немецкого языков объяснено своим происхождением контаминацией созвучных лемм и глосс и ошибкам неграмотных писцов (таковы, например, англ. *big, bird, bizarre, bosom, busy, dog, dye, lad, lass* и др.; нем. *böse, bunt, Buhle, Bursche, Ekel, Farbe, Fleiß, Fleisch, Kebse, klein, leer, Minne, rein, Risiko, Weib, tauschen, Wurst*). Анализируя текст латинско-германских (среднемецких и древнеанглийских) глосс, изданных Л. Дифенбахом [2], автор установил, что многие латинские слова, представленные в виде лемм или глосс, нередко выступали как паронимы, т. е. как слова, которые вследствие сходства в написании и частичного совпадения морфемного состава могли контаминироваться как между собой, так и с некоторыми из их германских соответствий. Если учесть, что контаминируемые латинские леммы имели самые разнообразные значения, вполне понятно, что и германские глоссы, соответствующие им, могли воспринять ряд ошибочных (неэтимологических) значений. Приведем пример текстологического анализа, представленного в рецензируемой книге (с. 107—108). В отличие от традиционной этимологии слова *risk* (франц. *risque*, англ. *risk*), весьма спорной и натянутой, автор справедливо полагает, что становление значения рассматриваемого слова, да и самого слова, связано с несколькими параллельными процессами лексико-семантической контаминации. Лат. *riscus* «корзина» (из греч.) соответствовало др.-в.-нем. *huot* в том же значении; последнее могло контаминироваться со своим омофоном др.-сакс. *huoti* «feindlich, erzürnt», ср. др.-исл. *hoetta* «рисковать», совр. швед. *höt* «угроза». Далее, как указывает автор, лат. лемма *riscus* контаминировалась с *rifta*, в связи с чем становится понятным, в частности, то обстоятельство, что др.-в.-нем. *huota* может выступать в значении «забота». Ср. в связи с этим лат. *defensio* < *de-fendere, fendere*, русск. *пастух*, но *опасность* (ср. совр. нем. *Hutung* «pasturage»). Наконец, вульг. лат. *riscus* могло контаминироваться с вульг. лат. *riza*, в связи с чем автор приводит такие немецкие диалектные слова, как *er-hueten* «Jmd. durchprügeln», *hotten* «treiben», *umen-hutten* «herumstossen». Ср. в связи с этим интересную глоссу у Дифенбаха: *risia. fermentum werck* (ср.-в.-нем. *geverch* «gefährlich»).

Как справедливо указывает автор, лексемы, значение которых возникло в результате лексико-семантической контаминации и паронимии, не могут привле-

каться для фонетического и семантического сопоставления с другими словами при установлении этимологии. То же относится и к так называемым «Buchstabenwörter» (типа англ. диал. *aitch* «очаг» < англ. *hearth*; англ. *ache* «боль» < др.-англ. *hearm* и др.), а также к словам-табу (ср. с. 6: «если слова, обусловленные табу, становятся заимствованиями, то они превращаются в мнимые слова» и в связи с этим анализ англ. *ill*, возводимого автором к лат. *illac* «туда, прочь»). Автор указывает, что в процессе истории слова оно может получать несколько семасологических связей, что весьма важно учитывать при этимологизировании. На основе подробного исследования (на материале германских языков с привлечением материала территориальных диалектов и жаргона) М. М. Маковский показывает, что подвижные формативы не являются «ни фонологическими, ни словообразовательными элементами, а чисто системо-различительными показателями, лишёнными каких-либо других функций» (с. 161).

Поскольку автору удалось выяснить, что в целом ряде случаев изменения значений слов могут обуславливаться не генетическими, т. е. иначе говоря, системными причинами, а вызываться к жизни и чистой случайностью, причем вновь возникшие значения носят произвольный, т. е. эволютивно не обусловленный, не системный характер, он имел достаточно оснований для того, чтобы сделать некоторые важные общетеоретические выводы. Это касается, в частности, антиномий необходимости и свободы, прерывности и непрерывности, а также социального и индивидуального в языке, роли комбинаторики, интеграции и дезинтеграции слов и значений в становлении, относительном равновесии и нарушении стабильности лексико-семантических единиц и континуумов, в которые они входят.

В первой главе (с. 13—52), посвященной общей характеристике лексико-семантических систем, справедливо указывается на то, что в имеющихся специальных работах, как правило, констатируются «готовые» статические качества значений, но не рассматриваются их лингвистические свойства, которые привели к возникновению именно данных значений в результате определенных процессов, а также условия и возможности динамического проявления и взаимодействия этих свойств: «... семантические преобразования (даже внешне сходные изменения, происходящие на разных этапах существования языка или в близкородственных языках) имеют неодинаковый лингвистический смысл — они нередко возникают на основе неодинаковых свойств (комбинаций свойств) и сами обладают различными свойствами. Обычно то, что называют «изменения значения», в действительности оказываются либо внутрисистемными, либо межсистемными перемещениями на определенном временном срезе существования языка, т. е. мы имеем здесь дело не с диахроническими, а с чисто синхронными преобра-

зованиями, отражающими различные возможности комбинаторики, допустимые или недопустимые в рамках свободы и необходимости, присущих тому или иному лексико-семантическому континууму» (с. 15—16).

Автор утверждает, что в языке часто возникает противоречие (асимметричность) между семейной и лексемной комбинаторикой языковых единиц — совместимые значения нередко сочетаются с несовместимыми лексемами, а в совместимых лексемах реализуются несовместимые значения. Так, синонимический ряд нередко предстает как результат транспозиции одного значения (с теми или иными вариантами, обусловленными системностью) на несколько лексем, не совместимых в одном континууме. На это указывает тот факт, что те же лексемы в другом одновременно сосуществующем континууме (например, в близкородственном языке или на другом этапе существования рассматриваемого языка) уже не выступают как синонимы. С другой стороны, несколько значений, не совместимых в данном континууме, могут сосуществовать, трансформируясь на лексемах, являющихся частью этого континуума.

Сосуществующие комбинаторные варианты значений постоянно нарушаются и затем снова уравниваются на основе разного рода «терапевтических» закономерностей (терминология Ж. Жильерона). Это, в свою очередь, ведет к значительным качественным и количественным перестановкам, «не предусмотренным» условиями того или иного комбинаторного уклада. Именно благодаря нарушениям тех или иных комбинаторных вариантов, пишет автор, в ряде случаев значение слова нельзя признать изначальной характеристикой той или иной лексемы, присущей ей по принципу *fuisse* для возникшей в результате естественного преемственного развития одного и того же значения. Во всех этих случаях речь может идти только о чисто комбинаторном происхождении значений. Более того, любое из значений, возникшее чисто комбинаторно, может в дальнейшем выступать в качестве исходного и подвергаться новым комбинаторным изменениям. Вот почему автор считает неправомерными такие понятия, как основное значение, побочное значение, расширенное значение, суженное значение, весьма произвольно определяемые лингвистами. М. М. Маковский отмечает следующие семантические свойства: разложимость и неразложимость, обратимость и необратимость, одновременность и разновременность, свойство нейтрализации значений, свойство совместимости и несовместимости, свойство поглотительности (инвариантности) и вариативности, равносильности (эквивалентности) и неравносильности и др. Все значения, подчеркивается в книге, как и лексемы, существуют в определенной лексико-семантической среде и подвержены процессам «смешения», слияния, растворения (интеграции), с одной стороны, и разложения, дезинтеграции, с другой (с. 43—47). Кроме того, автор отмечает явления семантической ассимиляции и дисассимиляции,

которые в его понимании не имеют ничего общего с семантической синестезией и контаминацией значений, а представляет собой феномен, связанный с переинтеграцией системы. Именно ассимиляцией и диссимилиацией, обусловленными в конечном итоге комбинаторными процессами, можно объяснить, по мнению автора, явления синонимии и омонимии. Омонимия, в частности, может возникнуть тогда, когда условия системности исключают сосуществование неодинаковых форм, вследствие чего происходит формальное «выравнивание» различных и никак не связанных между собой корней.

Нельзя упускать из виду, указывает автор, что отнюдь не все характеристики, признаки, связи, присущие исследуемому объекту, в одинаковой мере существенны для исследуемого явления. Только в том случае, если данная характеристика или свойство отражает определенные ограничения, накладываемые спецификой данного объекта, она может служить критерием его идентификации. В тех случаях, когда в языке проявляется та или иная закономерность, ее действие может перекрываться параллельным действием других закономерностей, а также факторами социолингвистического, культурно-исторического и психологического характера. Вследствие этого данная закономерность может не проявляться даже в тех случаях, где ее проявление совершенно необходимо, либо манифестироваться иначе и охватывать не те лексико-семантические элементы, которые должны закономерно вовлекаться в данный процесс. При этом каждый семантический континуум никак не «прикреплён» именно к данному слову и только к одному слову, что, однако, вовсе не снимает факта неразрывности слова и значения в данный период их существования и их взаимодействия в процессе развития.

Интересен раздел этой главы, посвященный равновесию языковых элементов (балансу лингвистических потенций). Здесь же формулируется следующая закономерность, которая документируется большим фактическим материалом: «количество не отраженных в языке семантических компонентов цикла находится в прямой зависимости от количества представленных лексем, в которых манифестируется тот или иной из этих компонентов, и в обратной зависимости к количеству представленных в этих лексемах компонентов семантического спектра» (с. 51).

Вторая глава рецензируемой монографии (с. 53—123) посвящена асистемности, обусловленной ошибками. На фоне исследования контаминаций в глоссах и древнеанглийских «слов-призраков» (*ghost-words*) автор делает ряд общетеоретических выводов. В частности, отмечается, что все значения одного и того же слова, представленные в одном или в нескольких родственных языках, отнюдь не всегда являются звеньями одной и той же непрерывной цепи, развивающейся по принципу *pro-t hoc, ergo propter hoc*. По традиции считается, что представленные семантические элементы являются диахронической цепочкой в конечной инстанции, что между ними нет никаких промежуточных

звеньев и сами они не являются промежуточными звеньями, причем каждый из них строго следует друг за другом. В этой связи автор указывает, что одна и та же причина может дать различные результаты, а различные причины — могут иметь одинаковые последствия: «...не всякое изменение в языке равносильно эволюции и не всякая эволюция обязательно связана с изменениями» (с. 75). Исследуя проблему свободы и необходимости в языке, автор намечает некоторые общие линии соотношения этих категорий: в пределах многих лексико-семантических систем свобода значения уравновешивается ограниченностью соответствующей «массы» (количества) лексем, их протяженности или вариантности структуры. Следовательно, чем больше слов в той или иной системе, тем они короче; чем больше возникает значений, тем меньше количество слов, в которых они представлены (полисемия). М. М. Маковский показывает, что этимологии, основанные на выявлении ассоциаций, метафоризации и логических переосмыслений значений (часть по целому, целое по части), не могут и не должны отождествляться с выявлением семантических закономерностей, т. е. эти категории и способы их установления носят явно субъективный характер. В связи с этим автор решительно выступает против таких методов семасиологического исследования, как компонентный анализ или анализ по семантическому полю.

В третьей главе (с. 124—162) на большом языковом материале автор показывает, что «в процессе употребления и развития языка общезыковые, коллективные модели непрерывно преобразуются и видоизменяются в рамках индивидуального использования, в частности, бывшие запреты общенациональной нормы с течением времени могут превратиться в норму, а нормативные явления нередко утрачивают свою общезыковую значимость. Вместе с тем многие из таких видоизмененных моделей в дальнейшем выступают уже как общезыковые и нормативные, подвергаясь дальнейшим преобразованиям на индивидуальном уровне» (с. 149). В этой связи указывается, что многие слова, возникшие на основе индивидуального употребления, основаны на метафоре, нередко давно забытой (ср. франц. *caprice* < лат. *capra*, франц. *calcul* «подсчет» < лат. *calculus* и др.). В главе содержатся интересные списки «ложных друзей переводчика» в славянских языках, а также даются многочисленные примеры эпитимии в арабском и и.-е. языках, которые автор истолковывает в свете своей концепции соотношения социального и индивидуального в языке.

В книге М. М. Маковского рассматривается не только «нарушение» системных языковых укладов теми или иными асистемными факторами, но и, наоборот, наличие определенной системной организации в рамках асистемных, «нерегулярных» языковых процессов. Этому вопросу специально посвящена четвертая глава. Исследуя константные явления в асистемных языковых средах, автор форму-

лирует пять закономерностей, которые он называет «социолингвистическими универсалиями». В этой главе содержится также оригинальная методика реконструкции социальных диалектов древности.

К книге приложена обширная библиография (368 названий) на русском и западноевропейских языках и резюме на английском языке.

Опечаток или фактических ошибок в книге немного. Отметим, например, на с. 139: санскр. корень *ku* переводится «быть полным» вместо «быть полым»; араб. слово *ʿadun* «щедрый» и «жадный» ошибочно приводится дважды в пределах одного и того же списка поляризованных значений в арабском (с. 146 и 147), дважды приводится и др.-нел. *if*, *ef* на с. 58. Отметим также, что англ. диал. «Buchstabenwort» *gee* «to suit» скорее соотносится с диалектным словом *gibe* (с тем же значением), а не с *go*, как указано в работе (с. 58).

Рецензируемая книга М. М. Маковско-го является одной из первых монографи-

ческих публикаций, специально посвященных проблеме соотношения системности и асистемности в языке. Нет сомнения в том, что эта книга будет в значительной мере способствовать дальнейшему исследованию многих вопросов, встающих в связи с противоречивой природой языковой системности, например, о единственности или неединственности языковых процессов, о сущности языковой эволюции и др. [ср. интересные и острые вопросы, которые автор ставит в связи с лексико-семантическим анализом слов (с. 18—19)].

Шур Г. С.

ЛИТЕРАТУРА

1. Schmalstieg W. R. Indo-European linguistics. A new synthesis. The Pennsylvania State University, 1980.
2. Diefenbach L. Glossarium latino-germanicum. Francofurti ad Moeni, 1857.